

Толкачева Светлана Викторовна

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧИНА ДРУЖКИ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ УДМУРТИИ

Статья посвящена специфике функционирования чина дружки в традиционных свадебных обрядах русских жителей Удмуртии. Выявлены ареальные особенности бытования чина. Определены действия, совершаемые в обряде только дружкой - произнесение приговорок, перенос икон, зажжение свечей, манипуляции с ножом в дороге. На примере деятельности дружки раскрыты соответствия акционального и вербального кодов некоторых свадебных обычаев: просьбы о благословении на брак, обеспечения благоприятного перемещения невесты в дом жениха, создания миролюбивого настроения в контактах партий жениха и невесты, оберега жениха и невесты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 166-172. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Замковая Н., Моисеенко И.** Многоликая Россия: учебник русского языка для учащихся 11-х классов гимназий. Таллинн: Koolibri, 2002. 207 с.
2. **Замковая Н., Моисеенко И.** Трудно быть молодым?!: учебник русского языка для 12 класса. Таллинн: Koolibri, 2009. 207 с.
3. **Мангус И.** Русский язык: быстро и успешно!: учебник для 11 класса. Таллинн: TEA Kirjastus, 2008. 166 с.
4. **Никитина Т. Г.** Русские фразеологизмы в лингвострановедческом и лингвокраеведческом аспекте: учебник-пособие для студентов филологических и педагогических профилей. Псков: Псковский гос. ун-т, 2011. 144 с.
5. **Перванов Я. А.** Русско-болгарский сопоставительный словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.sedword.com/publish/parent_sed.htm (дата обращения: 02.07.2015).
6. **Петрова Г. В.** Латинско-русский словообразовательный словарь. М.: Оникс, 2008. 702 с.
7. **Троянова Т.** Русский язык день за днём: учебник для эстонских школ: 10 класс. Таллинн: Argo, 2013. 151 с.
8. **Троянова Т.** Русский язык день за днём: учебник для эстонских школ: 12 класс. Таллинн: Argo, 2013. 151 с.
9. **Чубур Т. А.** Контрастивная лексикология и лексикография в практике обучения иностранному языку // Русский язык за рубежом. 2010. № 3. С. 63-71.

**THE TRAINING REPRESENTATION OF WORD-FORMATIVE MODELS
IN THE RUSSIAN-ESTONIAN COMPARATIVE DICTIONARY**

Talis Ol'ga Igorevna
Pskov State University
olqatalis@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the training representation of Russian word-formative models for Estonian high school students. The representation of word-formative models in the textbooks of the Russian language is shown, the necessity of their comparative description in the learner's dictionary is grounded. The author's conception of learner's Russian-Estonian comparative word-formative dictionary is developed.

Key words and phrases: Russian as a foreign language; word-formation teaching; learner's dictionary; comparative dictionary; word-formative competence.

УДК 398.8(470.51)

Филологические науки

Статья посвящена специфике функционирования чина дружки в традиционных свадебных обрядах русских жителей Удмуртии. Выявлены ареальные особенности бытования чина. Определены действия, совершаемые в обряде только дружкой – произнесение приговорок, перенос икон, зажжение свечей, манипуляции с ножом в дороге. На примере деятельности дружки раскрыты соответствия акционального и вербального кодов некоторых свадебных обычаев: просьбы о благословении на брак, обеспечения благоприятного перемещения невесты в дом жениха, создания миролюбивого настроения в контактах партий жениха и невесты, оберега жениха и невесты.

Ключевые слова и фразы: русский свадебный фольклор Удмуртии; традиционный свадебный обряд; свадебные чины; дружка; вежливич; приговорщик; рушальник; вершник.

Толкачева Светлана Викторовна, к. филол. н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
svetlana-tolk@mail.ru

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧИНА ДРУЖКИ
В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ УДМУРТИИ©**

Чин дружки – один из самых ярких, неоднозначных и «многоликих» в традиционной свадьбе русских жителей Удмуртии. До середины XX в. – повсеместно, в ряде населённых пунктов – и до сего времени, дружка являлся постоянным спутником, первым помощником жениха, знатоком всех свадебных обычаев. Наряду со свахой и тысяцким, он распоряжался свадебной церемонией, и такое со-руководство наделяло дружку высоким социальным статусом. Он постоянно находился в центре событий, выполнял большое количество обязанностей, был харизматическим лидером обряда. В течение свадьбы дружка декламировал приговорки – произносимые особым образом в строго отведённых для этого свадебных эпизодах тексты ритуального, магического и развлекательного характера, инициировал стихотворные диалоги с роднёй жениха. Кроме того, он был наделён колоссальной сакраментальной властью [20, с. 164-166]. Участники и свидетели традиционных свадебных обрядов всегда отмечают незаурядные качества его личности – превосходную память, решительность, смелость, умение найти выход из любых неожиданных ситуаций, остроумие, балагурство.

Роль чина дружки в свадебном обряде, его приговоры привлекают пристальное внимание фольклористов, этнографов, литературоведов [2, с. 126-127; 4; 5; 6, с. 29; 8; 9; 11, с. 28-29, 198; 12, с. 33-55; 20; 27]. Настоящая статья посвящена специфике деятельности чина дружки в традиционной свадьбе русских жителей современной Удмуртии. Источниками исследования послужили современные издания русского фольклора Удмуртии – А. Г. Татаринцева [12], Э. А. Тамаркиной [16], И. К. Травиной [22], Т. А. Шуклиной [27], собственные публикации [13; 15; 17-21], полевые экспедиционные записи, хранящиеся в Научно-отраслевом архиве и Фонограммархиве Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук [10, д. 485, т. 3, л. 3-4; 23-26].

Изучение функционирования чина дружки в рамках фольклорной традиции современной Удмуртии во многом зависит от принадлежности свадебного обряда к конкретному этнокультурному ареалу. Наиболее крупные этнокультурные ареалы современной Удмуртии – северный этнокультурный ареал (далее СЭА) и южный этнокультурный ареал (далее ЮЭА) [14, с. 10-11]. Для панорамного охвата граней чина дружки привлечены сведения из уникальной фольклорной коллекции выдающегося удмуртского священника, учёного-фольклориста, этнографа, лингвиста, просветителя, писателя Г. Е. Верещагина [4]. Им были записаны на рубеже XIX-XX вв. и обобщены в очерке «Свадебные обряды» фольклорно-этнографические материалы по традиционной свадьбе русского населения Вятско-Прикамского края¹, в частности проживающего и на территории современной Удмуртии (подробнее об исследованиях русского фольклора Г. Е. Верещагиным см. [21]).

О том, кто будет дружкой на свадьбе, договаривались родители жениха и невесты, когда в первый раз встречались, знакомились и обсуждали предстоящие хлопоты, связанные с образованием новой семьи. На свадьбе мог быть и один дружка, и несколько дружек. В «дружки» выбирались друзья жениха, родные и двоюродные братья, чаще холостые и молодые. Назывались они *старшим*² дружкой и *младшими* дружками, в некоторых локальных традициях ЮЭА – *подружьями*.

Многие обязанности дружки были имманентны только его чину. Также дружка мог выполнять или замещать действия некоторых других свадебных чинов: *рушальника*, разрезавшего еду за свадебным столом; в ЮЭА – *повозника* (кучера, ответственного за транспортный состав и упряжь свадебного поезда, рассаживание поезжан); в СЭА – *вежливича* (свадебного чина, помогающего «правильно» совершать обряд в день свадьбы [15, с. 42; 19, с. 60]). Г. Е. Верещагин информирует, что дружки могли участвовать в составе *погонихи*³, поскольку дружки служили ямщиками, «...а ямщик невесты называется погонихой» [4, с. 79].

Во время подготовки ко дню свадьбы в ряде локальных традиций ЮЭА дружки, называемые пока ещё *товарищами, друзьями*, сопровождали жениха в поездках к невесте, привозили ей и её подругам угощения [16, с. 106]. Утром свадебного дня дружка просил у родителей жениха благословения ехать за невестой. Выйдя во двор, поезжане три раза проходили возле свадебного поезда и рассаживались в повозки в определённом дружкой или повозником порядке. Дружка, держа в руках икону жениха, трижды совершал обход всего поезда и потряхивал дугами, чтобы звенели колокольчики [4, с. 73-74], после чего свадебный поезд отправлялся в путь. Необходимо отметить, что в свадебный день многие ритуально значимые перемещения поезжан возглавлялись дружкой. Среди них выход из дома жениха, вход и выход из дома невесты, вход и выход из-за стола в доме невесты, приезд молодых в дом жениха. Торжественные шествия обыкновенно происходили в следующем порядке: сначала выступал дружка, за ним – *бояре* (*большой* и *маленький*), далее *тысячка* (СЭА), жених, (невеста), сваха [18, с. 119-120].

Все, кто встретил на своем пути свадебный поезд, уступали ему дорогу. Если дорога всё-таки кем-то пересекалась, свадебный поезд останавливался, и дружка специальным ножом под декламацию приговорок трижды рассекал воздух [4, с. 74]. По обычаю, дружки трижды подъезжали к дому невесты, передавали ей от жениха мыло и солому, приговорками спрашивали у родителей о готовности к встрече поезжан, приглашали односельчан на свадьбу и получали от них «подарки» для свадебного столования – пиво, брагу, рыбные пироги, блины [19, с. 20].

Дружки сразу выделялись среди поезжан – они восседали верхом на конях (в ЮЭА могли располагаться на козлах), тогда как остальные поезжане размещались в кошёвках, санях, подводах. От этого обычая происходит одно из диалектных названий дружек – *вершние, верховые* [13, с. 186]. При встрече свадебного поезда девушки *прикальвали* / подшивали дружкам на грудь ленты или бумажные / *восковые* цветы (ЮЭА). В ЮЭА среди специально подготовленных подарков для всех поезжан, подруги невесты дарили дружкам украшенные плети / бичи / *ременницы*, которые были их неотъемлемым атрибутом в свадебный день, и, по необходимости или в шутку, то и дело пускались в ход [19, с. 20]. Вот как описывается приезд дружек и выкуп ими ворот дома невесты в д. Зялуд Вавожского р-на Т. В. Киршиной: «*Потом вот приезжают, её уже выкупают. Не так, как щас, вот. Через ворота там скачут, да чё да. Её [невесту] вот подруги держат. Приходит дружка, с ременицей в руках, с хорошей! И вот он выкупает её... Ну, даёт сколь там. Всё равно, деньгам же, даёт. Вот столь, столь. “Мы не отдадим!” – тут кричат, пока не накричатся! А потом уже всё, выкупил... Раз на лошадях ездили, он же едет на первой лошаде, и он везёт только молодых, больше никого. Сам он садится... на козлы, а молодые сидят в кошовке. С коврам, с подушкам... Да, и лошади украшены... Ну, дружка заботился. На его же шею всё ложится!» [23].*

¹ Вятско-Прикамский край, который можно обозначить и как Камско-Вятский регион – единый обширный этнокультурный, социальный, политический, хозяйственный организм, географически связанный с двумя реками – Камой и Вяткой. Как в прошлом, так и в настоящем, вся территория современной Удмуртии была его малой частью.

² Курсивом выделены диалектные слова и выражения.

³ В русской фольклорной традиции Удмуртии *погонихой* называли и сундук с приданым, и родственников невесты, отвозящих сундук в дом *молодого* [13, с. 186, 197].

После известия о готовности невесты к встрече с женихом, полученного дружкой от родителей невесты, свадебный поезд подъезжал к дому невесты. В многочисленных выкупах пространства невесты – дороги к её дому, ворот, крыльца, сеней, мест за столом – первым помощником жениха был дружка. Он должен был выгодно представить финансовую состоятельность жениха, его щедрость. В качестве выкупа предлагались деньги, пиво, сладости (конфеты, пряники), ленточки [19, с. 20].

В СЭА путь к дому невесты мог перекрываться срубленными елями: родня невесты беспорядочно заваливала дорогу ёлками [15, с. 57]. После выкупа дороги женихом, еловые завалы моментально расчищались. Выбор породы дерева в качестве преграды можно объяснить семантическим многозначием ели. В этой ситуации ель служит знаком дальней трудной дороги (леса), является символами свадебного ритуального дерева и «маркирования пути вообще» [1, с. 185-186]. В свадебном фольклоре – в песнях, причитаниях, приговорах дружки – образ ели приобретает дополнительные значения. Он может символизировать невесту, служить знаком инициационного перерождения невесты в замужнюю женщину.

В свадебных приговорах дружки мотив «долгого волока», т.е. длинной, опасной дороги, дополняется образом семидесяти / семи ёлок и восьми берёз: «...*Ваш волок уж очень долог! / Семьдесят ёлок и восемь берёз – / У меня, у дружки, аж язык примёрз!...*» [27, с. 53]. Количество ёлок в тексте приговора – семьдесят (изредка – семь или семьдесят семь) – указывает на протяжённость елового леса, и, соответственно, на трудности по его преодолению. Сравнение елей с меньшим количеством берёз также подчёркивает хвойный тип леса, более тёмный и глухой, по отношению к лиственному березняку.

С упоминания ели начинается распространённая в Удмуртии свадебная песня «На угоре стоит ёлочка». В д. Шарпа Базезинского р-на (СЭА) её поют при обручении жениха и невесты, после чего невеста моется мылом, подаренным ей женихом [15, с. 56-57]. В данном контексте песня маркирует инициационную ситуацию обрядового «перехода» жениха и невесты в новое качество: они становятся «молодыми», т.е. семейной парой. Символично исполнение песни во время традиционного омовения невесты мылом жениха, подчёркивающего обрядовое очищение водой и мылом [17, с. 92-93], а также косвенное участие жениха в данном акте.

В ЮЭА песней «На горе-то стоит ёлочка» величают невесту. После упоминания растущей на горе ёлочки, обрисовывающей пространство и отсылающей к мифологическому образу «сада невесты», следует описание приготовлений девушки к предстоящему пути: она моется, одевается, снаряжается в дорогу. Первого зова – её батюшки – девушка «не слушает» и реагирует на него отрицательно. На призыв «ладушки» (жениха) она отвечает согласием:

На горе-то стоит елочка¹,
 Под горой стоит светелочка да,
 Во светелке – красна девица-душа да,
 Она белится, румянится,
 В светло платье одевается.
 – Ты куда же одеваешься,
 Ты куда же снаряжаешься?
 – Вон идет, идет мой батюшка,
 Меня, девицу, с собой зовёт.
 Я нейду, нейду, не слушаю его.
 Что теперь и ночи темные,
 Ночи темные, не месячные.
 На горе-то стоит елочка,
 Под горой стоит светелочка,
 Во светелке – красна девица-душа да,
 Она белится, румянится,
 В светло платье одевается.
 – Ты куда же одеваешься,
 Ты куда же снаряжаешься?
 – Вон идет, идет мой ладушка,
 Меня, девицу, с собой зовёт.
 Я пойду, пойду, послушаю его.
 Что теперь и ночи светлые,
 Ночи светлые, месячные [22, с. 110-112].

Итак, в тексте данной песни отражается многозначность символики ели: поэтическое сравнение с девушкой-невестой, знак «сада» невесты, аллегория пути-дороги.

Устойчивое соединение метафорических образов ели и пути-дороги, характерное для русского свадебного фольклора Удмуртии, находит аналогии и в удмуртских песнях. В удмуртском фольклоре встречается образ обезглавленных деревьев, в частности елей с обломленными (обрезанными) верхушками. Согласно исследованиям доктора филологических наук Т. Г. Владыкиной, происхождение некоторых песен с упоминанием обезглавленного дерева, которые в настоящее время исполняются как лирические, связано со свадебным

¹ Текст приводится в сокращении.

обрядом. Т. Г. Владыкина причисляет их к «причетным песням вышедших замуж девушек» [7, с. 56]. «Дерево со срубленной верхушкой в качестве атрибута (и лишь позднее – образа) появляется в проводных обрядах как заместитель души уходящего человека» [Там же].

Символическое маркирование елью инициационного «перехода» невесты в русском свадебном фольклоре Удмуртии может быть дополнено фактами из свадебных обрядов других регионов России. Например, в Сухоложском р-не Свердловской области «ёлкой» называлась бутылка с красным вином, куда были воткнуты еловая ветка, цветы, ленты. «Ёлка» стояла в свадебный день на столе во время прощания невесты с «девьей красотой» [11, с. 195]. В описании Н. Н. Виноградовым народной свадьбы Костромского уезда говорится, что «девья красота – это верхушка елки, убранная лентами, на верхушке елки прилеплено пустое крашеное или сахарное яйцо» [5, с. 34].

Выкупив дорогу, поезжане выкупали у родственников невесты ворота дома, у её родни и подруг – сени, двери избы, порог. В доме дружка выкупал свадебный стол у сидящих за ним детей, место за свадебным столом для свахи жениха – у свахи невесты (СЭА). Чаще всего этот обычай завершался шуточной «борьбой»: дружка «выманивал» сваху приглашением на танец при общей пляске, а в это время его друзья выталкивали сваху с места [19, с. 25].

Оригинальный «двойной» выкуп зафиксирован в Воткинском р-не этнографом Е. В. Поповой и С. В. Стародубцевой. Чтобы выкупить косу невесты у её подруг, сваха жениха плясала (подробнее о ритуальной пляске на свадьбе см. [15, с. 42-62]). Одновременно дружка выкупал сваху «от девок», как бы жалея её, поскольку девушки «заставляли» её плясать исполнением всё новых и новых песен: *«Когда сваху выкупали, дак пели “Ох, ты, мальчик-розудальчик”... А потом выкупали её дружки. Это свахе пели, а она пляшот-пляшот. А потом которая если бойкая – нарнёт, убежит и без выкупа... Девки поют песни-те, они ведь денежки-те выгребают... И вот, чтобы её выкупили дружки! А если она нырнёт, которая бойкая – нырнёт, убежит! Всё! Её не выкупают! А которая если не успеет убежать – дак её выкупают! Сваха это жениха...»* [24].

В СЭА с участием дружки совершались обряды *обручение* и *сведение брака за столом*. Обычно обмен кольцами жениха и невесты – *обручение* – проводился тысячкой и свахой. Однако изредка встречаются факты участия в нём и дружки. Так, в с. Степанёнки Кезского р-на тысячка со свахой ставили на поднос стаканы с брагой, строго следя, чтобы они не упали. Над подносом дружка, сваха, тысячка поочередно примеряли кольцо невесты ко всем пальцам жениха, кроме большого, и только после этого надевали его на палец невесты. Аналогично поступали с кольцом жениха: его продевали на все пальцы невесты и возвращали жениху. Новобрачные надевали перчатки. Дружка, сваха, тысячка связывали руки жениха и невесты полотенцем, чтобы *«между ними никто не прошёл»* [19, с. 23].

Дружка *сводил брак за столом* после того, как в первый свадебный день невесту выводили к жениху. Её и жениха закрывали скатертью, и над их головами дружка *«чем-то водил вот так»*, произносил приговорки: *«Когда приехали, когда нас за стол садили – тогда брак сводили. Дружка сводил у нас брак... Дружка сводил уже брак за столом... Ну, как вот сейчас говорят в этом, где регистрируются, брак сочетают, дак. Вот так же дружка говорил, тоже самое. Нас только закрыли скатертью, башки берут так, и так вот чем-то водил вот так дружка. И говорил дружка по головам-то. Вот так и водит»* [25].

После угощения за свадебным столом дружки просили благословения у родителей невесты на отъезд молодых. У Г. Е. Верещагина зафиксированы интересные подробности действий дружки с иконами и свечами в этой ситуации: *«...Икона вручается старшему дружке, и он, взяв в руки зажжённую восковую свечу, держит её перед иконой, стоя перед невестой и женихом, чтобы при выходе их из избы нести икону со свечкой перед ними»* [4, с. 79]. По сведениям Е. В. Поповой и С. В. Стародубцевой, в Воткинском р-не вслед за тем, как поезжане с невестой рассаживаются по кошёвкам, *«...дружки ходят, в колокол побрякают, молодым дают иконушку поцеловать. Вот три раза обойдут всех коней, тогда поедут венчаца»* [24].

На свадебном пиру в доме молодого дружки просили родителей молодого благословить молодых на первую брачную ночь, вместе со свахой и тысяцким отводили новобрачных на подклет. Здесь дружка опять брал икону и зажигал свечу [4, с. 80]. На второй день дружки были зачинщиками обрядов испытания молодой и молодого – топили для них баню, раскидывали мусор по избе, заставляя молодую прибраться, помогали молодым донести воду из колодца или речки до дома, не расплескав её. После столования «молодые в сопровождении дружек отправляются кататься по улицам деревни с песнями и, катаясь, заезжают по приглашению к родственникам и знакомым» [Там же, с. 83].

Как уже указывалось, в локальных традициях СЭА отмечается вариативная взаимозаменяемость некоторых действий дружки и тысяцкого. Например, принимать участие в обручении жениха и невесты, отводить молодых на подклет вместе со свахами, наряду с дружкой мог и тысячка. И тысяцкий, и дружка могли быть *приговорщиками*. Приговорщик *призывал ко столу* в первый и второй дни свадьбы – совместно со свахой поочередно приглашал гостей выходить к столу и выпивать вино [13, с. 187]. Аналогично дружке, тысяцкий просил благословения на брак перед иконами, у родителей жениха и всех присутствующих перед отправлением в путь, вступал в диалог с дружкой, мог возглавлять торжественный выход поезжан из дома при отправлении за невестой. Выдающийся педагог, этнограф Вятско-Прикамского края XIX – начала XX в. Н. М. Васнецов сообщает, что тысяцкий был своеобразным «заместителем» жениха и за свадебным столом: *«За свадебным столом, так как жених не пьёт, то тысяцкий обязан пить вдвойне – и за себя, и за жениха»*¹ [3, с. 323].

Наиболее отличительным, имманентным свойством чина дружки являлась особо организованная, преимущественно рифмованная, речь. Употребление молитв, приговорок в традиционной свадебной обрядности

¹ Цитата приведена в современной орфографии.

усиливало колорит и значимость действий дружки. Часто его высказывания начинались с Иисусовой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» [19, с. 42; 27, с. 43]. Иисусова молитва – просьба о Божественном благословении, милости – служила сакральным вербальным «стартом», «запуском» ряда свадебных эпизодов. Дружкой произносились и другие молитвы, приговорки, он являлся инициатором диалогов с тысяцким, родней и знакомыми невесты. В настоящее время исполнители аутентичного фольклора свадебные приговорки помнят слабо, но повсеместно отмечают их активное бытование в недалёком прошлом. Наряду с популярным жанровым определением *приговорка дружки*, встречаются диалектные термины *присказка, присказёнька, молитва, молитвочка, дружеска молитва*:

(Собиратель А. С. Мутина): *А вот дружка когда заходил – он что говорил? Дружеску молитву читал?*

(Информанты П. Е. Коньшев, С. И. Коньшева): *Читал, читал, читал... Сразу дружка заходит и:*

– *Сватьяушка, сватьяушка,*

Севодни ли у вас свадьбушка? – скажет.

– *Да, севодни.*

– *Здесь не баня, не овин,*

Я, – г рит, – приехал не один.

Моя лошадушка путь-дороженьку держала,

Путь лошадушкам топтала.

Моей лошадушке больше овса давайте.

И начнёт тогда уже говорить всяко присказку. А если ребята на полатах – ведь полаты были дак-вот, скажет:

– *А вы, ребятаушки,*

Косые заплатушки,

Глядите на нашу молодушку,

Не оброните соплей мотушку...

Специально там была молитва такая, ну, списывал дружка, чтобы перед свадьбой эту всю – от и до, до конца дошло [26].

Народ очень верно подметил, что приговорки дружкой *сказываются, выгаркиваются, громко кричатся* [27, с. 49], *читаются*. А. В. Татаринцевым зафиксировано выражение «дружка свадьбу сказывает» [12, с. 50]. Таким образом, в народной терминологии оказались сконцентрированы такие свойства приговорок, как сакральность («молитва»), жизненная необходимость их воспроизведения, повествовательность («приговорка»), сказочность («присказка», «присказёнька»). В определениях приговорок отразились также некоторые акустические и ритмические параметры – громкая динамика, экспрессивность. В народной терминологии свадебных приговорок ярко проявилось апеллирование и к другим фольклорным жанрам – к молитве, иногда смыкающейся в народной традиции с заговором, к сказке, к детским потешкам. В выражении *читать приговорки* запечатлен один из способов передачи фольклорной информации – письменная фиксация (поскольку они «читаются», или, действительно, могут прочитываться). В данное время приговорки часто записываются наиболее радеющими о сохранении исконных традиций пожилыми людьми. Это делается и из уважения к обычаям предков, и для точного, «правильного» использования приговорок в обрядах, до сих пор совершающихся в некоторых населённых пунктах «по-старинному».

Публикации свадебных приговорок и диалоговых обращений дружки имеются в изданных коллекциях Г. Е. Верещагина [4, с. 74-78, 80], А. Г. Татаринцева [12, с. 49-55], Т. А. Шуклиной [27, с. 45-46, 49-55], С. В. Стародубцевой [15, с. 47]. Подробный анализ приговорок, их сюжетов, мотивов, диалектных, литературных, акустических особенностей требует специальной статьи.

Итак, и в функционировании чина дружки, и в бытовании свадебных приговорок дружки как неотъемлемой составляющей его деятельности, в русских локальных традициях современной Удмуртии достаточно чётко выявляются ареальные особенности. Изобилие обязанностей дружки проистекало из его главенствующего положения в обрядовой организации первого и последующего свадебных дней. Некоторые из его действий пересекались с функциями *повозника, вежливица, тысяцкого, приговорщика*.

Ведущая роль дружки – быть представителем, «заместителем», постоянным сопровождающим жениха, его «вторым я» [8, с. 3, 237]. На практике она осуществлялась через помощь жениху в его «генеральной» цели – «добыче» невесты. Поскольку дружка руководил партией жениха по «захвату» и перемещению невесты в дом жениха, то подавляющее количество приговорок произносились им именно в те моменты обряда, которые были направлены на активное «проникновение» в пространство невесты и его освоение. Приговоры произносились во время многочисленных выкупов, при первом появлении в доме невесты, при разрезании еды и т.д. Просьбы дружки о благословении, благопожелания, обращения, вопросы к родственникам невесты носили миролюбивый, дружелюбный, часто шуточный характер.

Шутовство дружки проявлялось в выкупах, в некоторых текстах приговоров комического, часто эротического содержания, в проведении бани для молодых на второй день свадьбы.

Дружка был первым в шествиях поезжан, инициировал диалоги с представителями партии невесты. В обязанностях чина *повозника* также совмещались функции руководителя и знахаря.

Знахарство дружки равным образом воплощалась в акциональном и вербальном ритуальных кодах. Магические «охранные» акты – круговые перемещения поезжан, потряхивание колокольчиками, действия с ножом на пути к невесте и при разрезании свадебной еды, прерогатива в освящении кульминационных ситуаций через зажжение и перенос свечей – сопровождалась молитвами и приговорками. Особо надо отметить

участие дружки в обрядах принародного «объединения» жениха и невесты – в обмене кольцами, в благословении молодых на брак иконой, хлебом, которые также «освящались» его приговорками.

Ещё одна немаловажная функция дружки, смыкающаяся со знахарской, – посредничество (медиативность) между миром человеческим и иным миром, миром предков. Проявлялась она, прежде всего, в просьбах к Господу, к родителям жениха и невесты о благословении молодых. Обращение к родителям в данной обстановке могло проецироваться и на старших по возрасту родственников. Так, иногда собеседники в рассказах о своей свадьбе подчёркивали, что если у невесты ко времени проведения свадьбы уже не было отца в живых, то она просила благословения у своего деда. Исключительное право переноса икон дружкой также подчёркивало медиативный характер его чина. Такими действиями дружка максимально этично «извещал» иной мир о вновь образуемой семейной паре, старался «настроить» молодых на первичность мира предков по отношению к земному бытию и придать новобрачным импульс к дальнейшему гармоничному совместному житью.

Список литературы

1. **Агапкина Т. А.** Ель // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д-К. (Крошки). С. 183-186.
2. **Арзамазов А. А.** Из опыта герменевтической реконструкции удмуртских фольклорных единиц *чуж* и *вож* // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. 2008. Вып. 1. С. 117-130.
3. **Васнецов Н. М.** Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка: Изд-во Губернского Статистического Комитета, 1907. 358 с.
4. **Верещагин Г. Е.** Свадебные обряды // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6-ти т. / ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. Т. 3. Очерки русских Вятско-Прикамского края. Кн. 2. Вып. 2 / отв. за выпуск Г. К. Шкляев; предисл. В. М. Ванюшева; предм.-темат. указ. Г. К. Шкляева и Т. Г. Владыкиной. С. 47-83.
5. **Виноградов Н. Н.** Народная свадьба в Костромском уезде // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. М.: Художеств. лит-ра, 2001. Вып. 4. Юность и любовь. Свадьба / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. Круглова; подбор ил. В. Жигулевой; фотограф А. Рязанцев. С. 21-81. (Мудрость народная).
6. **Владыкина Т. Г.** О финно-угорском и славянском в исторической динамике фольклорного пространства России // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса: мат-лы российско-финского симпозиума (г. Архангельск, 20-21 ноября 2003 г.) / отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский университет, 2004. Вып. 2. С. 25-32.
7. **Владыкина Т. Г.** Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология / отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск, 2003. С. 54-66.
8. **Крашенинникова Ю. А.** Свадебные приговоры дружки (структурно-семантический, функциональные аспекты жанра): дисс. ... к. филол. н. Сыктывкар, 2003. 335 с.
9. **Кузнецова В. П.** Дружка и его роль в русской свадьбе Заонежья [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-5/246.html> (дата обращения: 14.04.2014).
10. **Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Архив временного хранения.** Д. 485. Т. 3.
11. **Причитания и песни традиционной уральской свадьбы: исследование, тексты, аудиоприложение** / изд-е подг. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2013. 762 с.
12. **Русский фольклор Удмуртии** / сост., предисл., вступ. ст. к разделам, примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1990. 368 с.
13. **Стародубцева С. В.** Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1. 226 с. (Русский фольклор Удмуртии).
14. **Стародубцева С. В.** Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья: монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.
15. **Стародубцева С. В.** Русские свадебные обряды // Вестник Удмуртского университета. 1999. Вып. 3. С. 42-62.
16. **Тамаркина Э. А.** Реконструкция русского свадебного обряда южной части Удмуртии по современным записям // Вестник Удмуртского университета. 1995. Вып. 5. С. 103-114.
17. **Толкачева С. В.** Имманентные черты поэтического образа невесты в русских свадебных песнях и причитаниях Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. 2012. Вып. 4. С. 87-94.
18. **Толкачева С. В.** Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. 2010. Вып. 4. С. 119-123.
19. **Толкачева С. В.** Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии: учебно-методическое пособие. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2013. 60 с.
20. **Толкачева С. В.** Терминология чинов партии жениха в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45). Ч. 3. С. 162-167.
21. **Толкачева С. В.** Труды Г. Е. Верещагина как источник исследования русского свадебного фольклора Удмуртии // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сборник статей / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2014. С. 103-118.
22. **Травина И. К.** Русские народные песни родины П. И. Чайковского. М.: Всесоюзное изд-во «Советский композитор», 1978. 191 с.
23. **Фонограммархив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (ФА УИИЯЛ УрО РАН).** Мк 153/2 В. № 15. Запись С. В. Стародубцевой, О. Гизатуллиной, Л. Кузнецовой.
24. **ФА УИИЯЛ УрО РАН.** Мк 155 б/2.; Запись Е. В. Поповой, С. С. Стародубцевой.
25. **ФА УИИЯЛ УрО РАН.** Мк 185/3 А. № 1.; № 2. Запись А. С. Мутиной, А. В. Никулина.
26. **ФА УИИЯЛ УрО РАН.** Мк 185/3 А. № 5. Запись А. С. Мутиной, А. В. Никулина.
27. **Шуклина Т. А.** Свадьба: учебное издание / науч. ред. Т. А. Шуклина. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2012. 96 с. (Русский фольклор Удмуртии).

THE SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF THE RANK OF A BEST MAN IN THE WEDDING RITUALS OF THE RUSSIAN RESIDENTS OF UDMURZIA

Tolkacheva Svetlana Viktorovna, Ph. D. in Philology

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
svetlana-tolk@mail.ru

The article is devoted to the specificity of functioning of the rank of a best man in the traditional wedding rituals of the residents of Udmurtia. The areal peculiarities of a best man's activity are revealed. The actions, performed only by the best man in the ritual – pronouncing bywords, carrying icons, ignition of candles, manipulations with a knife on the journey, are defined. By the example of the best man's activity the correspondences of actional and verbal codes of some wedding customs: requests of a parental consent on marriage, providing a favourable move of a bride to the bridegroom's house, creating a peaceful mood in the contacts of the bridegroom and the bride, warding of the bridegroom and the bride, are disclosed.

Key words and phrases: Russian wedding folklore of Udmurtia; traditional wedding ritual; wedding ranks; best man; "vezhlivich"; "prigovorshchik"; "rushal'nik"; head.

УДК 81'371

Филологические науки

В статье на материале выборки с англоязычных форумов по проблемам семьи рассматривается сочетаемость лексем «parents», «father», «mother», используемых в функции подлежащего, с определенным типом сказуемого и выявляются типичные семантические признаки лексического наполнения сказуемого. Анализируется соотношение положительной и отрицательной коннотации в словах, сочетающихся с лексемами «parents», «father», «mother» в рамках сказуемого или его расширения.

Ключевые слова и фразы: синтагматические отношения; семантическая сочетаемость; семантический признак; положительная/отрицательная коннотация; картина мира.

Трущинская Александра Сергеевна, к. филол. н.

Воронежский государственный педагогический университет
clef7@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ «PARENTS», «FATHER», «MOTHER» НА ИНТЕРНЕТ-ФОРУМАХ ПО ПРОБЛЕМАМ СЕМЬИ©

Синтагматический подход к изучению языковых явлений предполагает рассмотрение отношений между языковыми знаками, возникающих при их непосредственном сочетании в реальном потоке речи [2, с. 447]. Синтагматические отношения могут исследоваться на разных уровнях. При рассмотрении семантического аспекта синтагматических отношений слов затрагивается, в первую очередь, так называемое семантическое согласование, соотнесение семантических признаков подлинных имен [4, с. 114]. При описании семантики составляющих предложения в обобщённом виде указывают на денотатный характер подлежащего и сигнификативный (понятийный) характер сказуемого [2, с. 438]. При этом подчеркивается, что один и тот же глагол-предикат может реализовать различные семантические признаки в зависимости от характера субъекта или объекта действия. Подразделяя глаголы, используемые в предложении в роли сказуемого, на семантические подклассы, можно говорить о естественной предрасположенности разрядов имен сочетаться с определенными разрядами глаголов [4, с. 253]. Как минимальный признак сочетаемости в этом случае можно рассматривать сему и исходить из положения о том, что в предложении всегда присутствует общий семантический признак субъекта и предиката [2, с. 439].

Исследуя синтагматические отношения определенных лексических единиц (в данном случае «parents», «father», «mother»), остановимся на одном типе семантической сочетаемости – семантических признаках предиката, относящегося к анализируемым словам, выступающим в роли подлежащего. Например: *My parents are strict to the point where they hvta meet the parents of whatever friends I do have* [12]. / *Мои родители строги до того, что обязательно знакомятся с родителями всех моих друзей (Здесь и далее перевод наш – А. Т.)*. Иными словами, проанализируем с семантической точки зрения типичное правостороннее окружение данных лексем.

Анализ семантических синтагматических отношений слова в предложении (высказывании) даже на уровне словарной дефиниции может помочь выявить фрагмент картины мира, связанный с понятием, которое соотносимо с данным словом. Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании [3, с. 7]. Например, обычай проведения каникул с родителями у моря и возможность отца обеспечить такой отдых отражены в следующем примере: *Father used to take us to the seaside every year* [7, p. 370]. / *Папа обычно возил нас на море каждый год*. Вероятность воспроизведения картины мира возрастает при анализе